

Глава 4. Подарок в знак благодарности

Дом деда стоял на самом краю посёлка. Линь Сяньюй прошёл минут десять, прежде чем впереди показалось знакомое камфорное дерево у ворот.

У него почти не осталось воспоминаний из детства, но стоило увидеть это дерево, как в памяти вспыхнул смутный образ: дед держит в руках доску, мастерит для него качели и подвешивает их прямо к этой камфоре. Игрушек тогда было мало, телефонов не было вовсе — и этих качелей ему хватало на целый день. Рядом всегда вертелись несколько соседских ребятишек, только потом, когда он уехал в шесть лет, связи с ними потерялись.

Теперь качелей на дереве, конечно, уже не было — только густые, давно не обрезанные ветви, тянувшиеся во все стороны.

Линь Сяньюй остановился у ворот, вытащил из кошелька ключ и возился добрых несколько минут, пока не справился с заржавевшим замком.

Деревянная дверь со скрипом поддалась — и он словно шагнул в собственное детство.

Дом был построен в традиционном стиле местных жителей.

За порогом — просторный дворик, где раньше держали свиней. Справа стену перегородили пустотелым кирпичом, за ней — калитка, ведущая в огород. В самом его конце стояла хурма: именно с этого дерева он в детстве рвал плоды. Сейчас — только начало сентября, плоды ещё зелёные, будто яблоки, — значит, есть их можно будет ближе к ноябрю.

Окинув огород взглядом, Линь Сяньюй вернулся во внутренний двор.

Каменные плиты заросли травой, у колодца — мох, а слева стоял старый водяной насос и квадратная каменная цистерна. В углу — куст камелии, наискось от него — персиковое дерево, теперь уже без единого плода.

Он обошёл двор, потом вошёл в дом.

Главное здание — двухэтажное, с тремя комнатами на первом этаже. В центре — зал, где когда-то работали: во время жатвы чистили кукурузу, а когда было свободнее, дед мастерил здесь мебель. Раньше в центре стоял большой стол — за ним ели, когда собиралось много людей. Теперь от стола и след простыл.

Справа — деревянная лестница. Он взглянул на толстый слой пыли и мелкие трещины, на мгновение замер, потом осторожно ступил. Скрипеть доски не стали, он даже дважды притопнул — крепко, можно идти.

Стоило подняться, как перед глазами открылось ярко-синее небо — несколько черепиц на крыше давно раскололись. К счастью, дыры были не слишком большие, иначе весь второй этаж давно бы сгнил.

Дальше идти он не решился. Бегло осмотрев комнаты, осторожно спустился вниз.

Перед уходом заглянул в комнату деда и бабушки: кровать и шкаф стояли на месте, а постели не осталось. Через пару минут он уже чихал — слишком давно здесь не прибирались, паутиной затянуло почти все стены.

По обе стороны от главного дома стояли два флигеля, такие же двухэтажные.

Слева на первом этаже — кухня: два глиняных очага, в углу аккуратно сложены дрова. На втором этаже должна была быть его комната, но уехал он слишком рано — так и не довелось пожить.

Правый флигель служил кладовкой, а наверху жили двоюродные братья.

Обойдя всё, Линь Сяньюй вытащил из угла старое кресло-качалку — бамбуковое, с изогнутым полозом внизу, только посмотри — и уже чувствуешь, как удобно будет лежать. Давно хотел купить себе такое, но всё откладывал: переезды, хлопоты... А дома — вот оно, своё, даже покупать не надо.

Правда, кресло было ужасно пыльное. Он немного помедлил, потом решил выйти, купить тряпку и средство, чтобы хоть чуть-чуть привести в порядок.

Дом ещё требовал ремонта, и генеральная уборка сейчас была бы пустой тратой сил. Пока достаточно просто очистить кресло — после вчерашней долгой дороги у него всё ещё ныла спина, и, увидев это кресло, он уже не мог пройти мимо.

Через полчаса кресло сияло чистотой. Линь Сяньюй окинул двор взглядом и выбрал место под персиковым деревом: там тень, ветерок и ни единого солнечного луча — идеально.

Он улёгся, зевнул, включил в телефоне плейлист с расслабляющей музыкой и закрыл глаза.

Кресло тихо покачивалось, ветер лениво шевелил листья — утро было безмятежным и тёплым, как сама память о доме.

Телефонный звонок вывел Линь Сяньюя из дремоты. Он выпрямился, взглянул на экран — тётя. Значит, зовёт домой обедать.

— Тётя, я всё ещё у старого дома. Сейчас уже иду обратно.

Весёлый, звонкий голос Цзи Таоюй раздался из трубки:

— Хорошо, не торопись. Может, пусть твой дядя за тобой заедет? Он на мотоцикле, быстро домчится. А тебе пешком ещё минут десять идти.

— Не нужно, тётя, — мягко ответил Линь Сяньюй. — Я уже почти пришёл, не волнуйся.

— Тогда ладно. Я как раз заканчиваю жарить овощи — успеешь как раз к подаче.

Когда Линь Сяньюй вернулся домой, на большом круглом столе уже стояло всё — и горячие блюда, и холодные. У дяди в доме этот стол рассчитан на восемь человек, но сегодня едва хватало места под тарелки: и мясо, и рыба, и птица — всё, что можно представить, тётя приготовила.

Он тут же пожалел, что не вернулся раньше — помог бы, хоть немного разгрузил их. Столько еды... даже страшно представить, сколько времени она провозилась на кухне.

— Тётя, нас ведь всего четверо, — сказал он, улыбаясь. — Сколько бы мы ни старались, всё это не осилим.

Цзи Таоюй как раз несла миску с жареными шариками из теста. Услышав его слова, только отмахнулась:

— Ничего страшного, доедим вечером. Мы с бабушкой приготовили всё, что ты любишь. Ну-ка, садись скорее.

— Хорошо, сейчас, — отозвался он и, поддержав бабушку, усадил её за стол. Потом подошёл к плите, чтобы наложить рис — сегодня, к его радости, был пшеничный, любимый с детства. Значит, точно съест ещё миску.

За обедом он почти не успел ни разу взять что-то сам: бабушка, тётя и даже дядя наперебой подкладывали ему куски. К концу трапезы его миска уже не вмещала всего.

Когда закончили, Линь Цзюнда, отхлебнув из огромной кружки чая, сказал:

— А-Юй, вчера ты упоминал, что хочешь отремонтировать старый дом. А по мне — не стоит. Живи у дяди, сколько хочешь. Старый дом весь развалился, привести его в порядок — денег уйдёт прорва. А ты ведь не зря трудишься, деньги нужно беречь.

На эти слова сразу откликнулись Цзи Таоюй и Хэ Сючжу: обе были заодно.

— Слушай дядю, — сказала тётя. — У нас в доме полно комнат, неужели для тебя места не найдётся? Будь послушным, не упрямясь.

Линь Сяньюй моргнул и сказал:

— Дядя, подождите минутку, я кое-что принесу.

Он вспомнил о подарках, которые так и не успел вручить вчера — уснул, едва добравшись до кровати.

Через минуту он вернулся, неся несколько пакетов. Большие — с едой и добавками, поменьше — аккуратно поставил на стол.

— Бабушка, это вам всем подарки. Посмотрите, понравятся ли.

Подарки были самые простые, без изысков: для бабушки и тёти — по массивному золотому браслету, для дяди — тяжёлая золотая цепь.

Цзи Таоюй открыла коробочку — и сразу ахнула, хлопнула крышкой:

— Что ты творишь, ребёнок? Деньги, что ли, жгут карман? Убери это немедленно!

В тот момент и Хэ Сючжу, и Линь Цзюнда уже заглянули в коробки — и выражения лиц у всех троих оказались одинаково растерянными.

Линь Сяньюй впервые успел заговорить раньше всех:

— Бабушка, ведь я же работу сменил. Зарплата теперь высокая, с деньгами всё в порядке. Вы не переживайте, просто примите.

Он улыбнулся и продолжил:

— К тому же, работа требует уединения, мне нужно отдельное пространство. Старый дом как раз подходит — я люблю такие старинные, атмосферные места. Всё хорошо, правда.

Он привёл один, второй, третий аргумент — пока наконец не убедил их всех.

После обеда Линь Сяньюй открыл ноутбук. Нужно было составить план реконструкции старого дома. В строительстве он разбирался слабо, так что лучше нанять специалистов — пусть отреставрируют в старом стиле, сохранив внешний вид, а вот кухню и ванную сделать по-современному, чтобы было удобно и комфортно.

План почти был готов, когда начало смеркаться. После ужина Линь Сяньюй пошёл прогуляться вместе с бабушкой.

Вечером весь посёлок оживал: вдоль дороги сидели и бродили пожилые пары, кто-то болтал, кто-то прогуливался с внуками. Линь Сяньюй не знал почти никого, просто шёл рядом с бабушкой, а кого она просила поприветствовать — того и приветствовал, смущённо, но послушно.

Только когда Хэ Сючжу вдоволь похвасталась внуком, они медленно повернули обратно. На перекрёстке бабушка взяла его за руку и тихо спросила:

— А-Юй, а твои отец с матерью знают, что ты вернулся?

Линь Сяньюй чуть прикусил губу и, улыбнувшись, ответил:

— Знают. Я им сказал.

Хэ Сючжу будто хотела что-то ещё сказать, но передумала, только вздохнула:

— Ну и ладно. Главное, чтобы тебе было хорошо. И живи здесь, дома, это и вправду к лучшему.

Линь Сяньюй улыбнулся шире, искренне:

— Бабушка, я счастлив. Я хотел побыть с вами.

Хэ Сючжу похлопала его по руке:

— Пойдём, внучек. Домой.

На следующее утро Линь Сяньюй снова вышел один. Ремонт старого дома требовал времени, а значит, нужно как можно скорее найти подрядчика, чтобы успеть закончить к концу года и переехать.

За последние годы посёлок сильно изменился. Раньше, приезжая, он почти никуда не выходил, а теперь шёл не спеша, останавливался у каждой новой лавки. Некоторые показались особенно интересными — он даже запоминал, где они находятся, чтобы потом заглянуть.

Машин на дороге почти не было, и Линь Сяньюй шёл, глядя больше по сторонам, чем под ноги. На одном из спусков он оступился — ступня ушла в пустоту, тело качнулось, сердце ухнуло вниз. Он уже был уверен, что упадёт, но в тот же миг чья-то сильная рука крепко удержала его.

Линь Сяньюй выдохнул с облегчением:

— Спасибо! Если бы не вы... — поднял глаза — и осёкся. Перед ним стоял человек, которого он уже видел.

Шэн Е слегка подтянул его, помогая выпрямиться, и только тогда отпустил:

— В следующий раз смотри, куда идёшь. В посёлке много лестниц, споткнёшься — потом весь в синяках будешь.

Лицо Линь Сяньюя вспыхнуло. Это ощущение было до боли знакомым — как когда в школе поймают на том, что не слушаешь учителя. Он смущённо опустил голову:

— Понял. Спасибо.

Видя, как тот опустил взгляд, Шэн Е на миг усомнился — не слишком ли резким прозвучал? Не напугал ли его?

Потом заметил у себя в руке свежую рыбу и, будто между делом, предложил:

— Ел уже? Если нет, пойдём в ресторан. С утра вытащил из пруда пару свежих карасей — сделать хрустящую или тушёную рыбу будет в самый раз.

Линь Сяньюй растерялся — не сразу понял, как разговор так резко перешёл на еду. А Шэн Е уже закинул рыбу на плечо и направился вперёд. Увидел, что тот стоит на месте, и крикнул:

— Ну чего встал? Пошли. Рыба остынет — вкус уже не тот будет.

Так Линь Сяньюй, сам не заметив как, дошёл вместе с ним до ресторана семьи Шэн.

Вспомнив недавний ужин, он, не входя, повернул к соседнему супермаркету — купить что-нибудь в знак благодарности.

Шэн Е, вернувшись на кухню, и сам не понял, как умудрился потерять гостя. Только что стоял рядом — и вот его уже нет. Вышел в зал, оглянулся — и видит: тот возвращается, нагруженный пакетами. Худощавый, хрупкий, с трудом удерживает покупки, будто вот-вот рухнет под их весом.

Шэн Е быстро подошёл, перехватил пакеты из его рук и с удивлением спросил:

— Зачем тебе столько всего? Если уж купил так много, мог бы попросить, чтобы магазин

доставил домой.

Линь Сяньюй приподнял уголки губ и мягко улыбнулся:

— Это мой подарок — в знак благодарности.

<http://bllate.org/book/14680/1308462>